

НИНА ЯГОДИНЦЕВА

ГРЯДУЩЕМУ ГРЯДУЩИМ ОТВЕЧАТЬ

* * *

Вязкая тревога — словно вызрела
В воздухе чудовищная ложь.
Тьма стоит на расстоянии выстрела —
Дальше ни на шаг не отойдешь.

И её не уличить в обмане нам —
Тьме, похоже, просто всё равно,
Кто в её прицеле затуманенном
Двигается как светлое пятно.

Часовые сняты, псы прикормлены,
Но за этой страшной тишиной
Мы стоим, предчувствием прикованы
К тайным рубежам земли родной.

Лишь на ней, весенней силой вспоены,
Сомкнуты корнями, как трава,
Смогут удержаться наши воины —
Наши чувства, мысли и слова.

ЯГОДИНЦЕВА *Нина Александровна* родилась в Магнитогорске, окончила Литературный институт им. А. М. Горького, член Союза писателей России, автор нескольких поэтических книг. Лауреат премии им. Бажова.

* * *

Н. Д.

Никуда не денешься: просто — да хитро...
Обронила денежку около метро.
Даже не заметила, что там за пятак.
Ладно, в Шереметьево доберусь и так.

Ах, душа-провинция, сердце-регион!
У меня провинностей ровно миллион
И стремленье слабое сильным угодить —
Мне столичной славою не за что платить.

Сытый снежной кашею, пригород обмяк.
Да у нас по-вашему не прожить никак!
Всё бы вам оставила, что у вас в цене, —
Ведь у нас-то набело, что у вас вчерне.

А живёшь-надеешься только на добро.
Обронила денежку около метро —
Ладно, в Шереметьево добралась и так.
Даже не заметила, что там за пятак...

* * *

Что из дома? — Пара строчек в личке.
Некогда — почти что никогда.
Вымокли столбы, как будто спички,
По полу февральской электрички
Загуляла талая вода.
У зимы в Москве свои привычки,
И не угадаешь — вот беда! —

Посреди какого перегона,
Смешивая грохот с тишиной,
Прямо через палубу вагона
Ночь перехлестнёт тугой волной

И сметёт нечаянно в пучины,
Где плывут обрывками сетей
Тёмные — во тьме неразличимы —
Ветви, тени, призраки ветвей...

Ничего, что в мире удержало б
И могло позвать издалека.
Только лишь наивных детских жалоб
Лодочка бумажная легка,

Но смешны мечты или обиды.
Господи, остави всё как есть!
Видишь, буквы сразу же размыты —
И уже ни слова не прочесть.

Только эта лёгкость и чудесна,
Бессловесна и во тьме бела,
Только эта лодка через бездну
К берегу добраться бы смогла.

* * *

Январь у моря — сон во сне:
В далёкой северной стране
В станции с именем Буранная
Вздымает ветер гриву рваную
И сбрасывает седока
Ничком в густые облака.

И тот летит сквозь пену снежную,
Пронизывая муть крошечную —
Летит сквозь время напролом,
Глаза прикрывши рукавом...

Пустынный пляж. Чужие, синие,
Толкают берег волны, с силою
К его ногам бросаясь ниц...
“Ты море? — Море. — Поклянись!”
Волна выносит страшной клятвою
Какую-то железку, смятую
Немыслимую глубиной,
Таящей морок ледяной....

Январь. Проснуться ли, очнуться ли,
Но всё равно пора туда,
Где свет плывёт по снегу блюдами,
Пока не рвутся провода,
Где больше не о чем печалиться,
Как проглядеть до солнца муть,
Где шаг — и сразу твердь кончается,
Но больше некуда шагнуть.

* * *

Храня несокрушимый Образ Твой,
Душа живёт с такой нездешней силой,
Но замирает — Господи, помилуй! —
Над этой жизнью, грубой и простой.

Вот мусор у цветущего куста,
Пакеты, стёкла, банки из-под пива,
А пьяный улыбается счастливо
И говорит: “Какая красота!”

Вот одуванчик сорван и измят,
Вот безпризорный воробьиный слёт,ок,
Вот полон слёз, но бесконечно кроток
Усталый и прекрасный женский взгляд...

Жестокий век вот-вот сорвёт печать —
И выпустит на волю ужас бездны,
И кажется, наивно бесполезно
Грядущему грядущим отвечать...

Но всё, что беспечально снизошло,
Твоей безмерной милостью отмечено,
Когда-то было сумрачно и вечно,
А станет и мгновенно, и светло.

И так восходит солнце каждый день,
И одуванчик сорванный не гаснет,
И жизнь своею истиной безгласной
Течёт, не иссякая, сквозь людей.

* * *

Степь отдыхала от жары. Она, закрыв глаза на вдохе,
Глядела в странные миры, во тьмы ушедшие эпохи.
За поворотами реки, блестящими полукругами,
Дрожали словно поплавки едва приметные курганы.

Тень пронесли облака, и чудилось: под облаками
Большие рыбины-века во сне колышут плавниками,
И тьма спускается к воде, но этой жажде не напиться.
И в каждой капле — по звезде, и в каждом выдохе — по птице...

Не оттого ли тяжелы часы степного предвечерья?
В тугие связаны узлы тысячелетние кочевья,
И в каждом птица и звезда из родника или колодца,
Но позабыты невода, и ячея сухая рвётся,
И с колчанами белых стрел выходят ветры брат на брата...

У горизонта хлеб горел, и дым стоял над ним горбато —
Стоял, клонясь над полем битв, где боль ещё не доболела,
И там, где сердцу должно быть, безмолвно солнце багровело.